

Журнал и сцена. - 2002. - сентябрь (№ 32) - 4, 6, 7

Анатолий ВАСИЛЬЕВ:

«Этот город обретет своих жителей»

Одной из первых премьер "Школы драматического искусства" в новом сезоне станет "Илиада". Мы попросили Анатолия Александровича рассказать о том, как возникло в репертуаре это название.

— Традиционно режиссер рассказывает о своем замысле труппе, подбирает актеров, начинает репетировать и в зависимости от удачной или неудачной работы выпускает в конце концов премьеру. Этой традиции в "Школе драматического искусства" не существует. Школа есть школа. Вначале есть слово, вначале есть идея. Давным давно возникла потребность в ритуальной или обрядовой, речевой практике. Я мог бы заимствовать эту практику у этнических групп Южной Америки или Африки, но я не стал этого делать. Ясно, что наше прошлое находится в Греции, в Аттике. Из Аттики мы получили и античность, и христианство. Я уже работал над текстами Платона, управлял действием больших групп слов, но обрядовая, речевая практика — это управление и одним словом. Источником мог стать только греческий эпос. Я взял его в самом совершенном

варианте, сделанном Гречем, это русский эквивалент греческого текста. Я не мог обратиться к греческому языку (древнему или современному), это было бы неправильно, я не мог обратиться к современному русскому языку, все это не годилось. И тогда на основе интуиции и тех практик, которые мне известны, я стал разрабатывать теорию и практику вербальной техники.

Одновременно мне нужно было взять какую-то обрядовую технику для тела. Мне необходимо найти технику для энергии и тогда я обратился к нашим другим корням, — к Востоку, к Китаю, поскольку мы не имеем никаких ясных языческих обрядовых структур. Я стал разрабатывать эти техники и потом соединил одно с другим. В 1994-м я занимался подобным исследо-

ванием, соединением, продолжил работу в 95-м, в 96-м я закончил первый опыт лаборатории "Илиады", из которой и возникло то, что можно видеть сегодня. Я показывал эти опыты Гротовскому и получил его поддержку. "Илиада" прожила трагическую историю, я собирал группу, и эта группа расходилась, потому что вначале я делал это для актеров "промежуточного" возраста, тех, с кем я делал "Шестерых персонажей в поисках автора". Эта работа тяжело укладывалась и физически, и психически. Из "Илиады" уходили актеры, тренинги прекращались. Входили новые мастера, такие, как Илья Пономарев, великий создатель этого произведения, в конце концов вошли молодые актеры, те, кого четыре года назад я набрал в

состав лаборатории. Тогда я не мог себе представить, что эти дети станут основным составом театра. Они не умели двигаться, не умели говорить. Мы работали четыре года, это огромный труд. Мы делали "Илиаду" для Олимпиады, и снова трагическая история — Илья Пономарев был убит в автомобильной катастрофе. Опять работа исчезла и в этот уже последний период жизни, когда я оказался на границе между временем и безвременьем, на границе общественного мнения, оскорблений и ругани, но внутри я не был оскорблен, я знал, что должен делать дело. Я собрал группу, попросил их вернуться к "Илиаде" и воскресить прошлую работу и Илью Пономарева как мастера и основного протагониста этой работы. Артисты начали работать

вместе с моим великолепным помощником Игорем Яцко. Он все это собрал, и я ему очень благодарен.

— Вас называют медитативным режиссером. Вот это состояние медитации, которое овладевает зрителем, является вашей целью?

— Нет, это не является моей целью. Зритель не входит в программу моих действий. Хотя, может быть, я хитрец и обманщик и все это клоунада, которую я устраиваю. Знаю одно: то, что мы делаем, — это акт, обрядово-ритуальное действие, публичность связана с присутствием, со способностью к созерцанию и к свидетельству, как говорил Гротовский. И вот, если зритель способен к открытости, созерцанию-присутствию-свидетельству, он оказывается поглощенным произведением. Если неспособен, он будет его отрицать. "Илиада" — не пьеса, не спектакль, хотя в ней будет прослежена эпическая канва. Это мистерия. Я давно работаю в этом жанре. Пока же определим "Илиаду" как обряд для хора и драматических артистов в присутствии публики.

Материал должен войти в автоматизм чувств, жест закрепляется в пространстве, не чувство рождает жест, а жест порождает чувство. Это невероятное напряжение. Резервы есть. В конце сентября мы начнем играть, совершать эти обряды для публики в Тау-зале, но я не ду-